



ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. ПОПОВ

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНИХ ДОРЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ДОЛГАНОВ НА ПРИРОДУ *

Введение

Изучение древних воззрений на природу представляет большие трудности. Между тем оно имеет немаловажное значение для понимания развития человеческого мышления.

Источниками для изучения древних представлений о природе служат пережитки, сохранившиеся у народов, которых никак нельзя отнести к первобытным, и фольклорные материалы, содержащие в себе остатки архаических воззрений. Наиболее плодотворно для научного использования этих источников — умелое применение как сравнительного, так и психолого-аналитического метода.

Сравнительный метод служит для доказательства широкого распространения тождественных представлений в целях установления самых общих закономерностей развития общественных явлений. Мы, однако, против такого злоупотребления сравнительным методом, когда, желая восстановить картину последовательного развития тех или иных представлений, часто подбирают примеры из этнографии самых различных народностей, стоящих на разных ступенях культурного развития, территориально весьма удаленных друг от друга и не имеющих между собой никаких связей, и искусственно соединяют их в цепочку. Подобное применение сравнительного метода нередко приводит к схематизации, к упрощению диалектических процессов развития общественных явлений и совершенно игнорирует локальные особенности в развитии, вызываемые причинами более частного характера.

Нам кажется, что для выяснения локальных особенностей развития представлений у отдельных народностей может принести большую пользу метод, который мы называем психолого-аналитическим, основанный на том бесспорном положении, что человеческое мышление, отражающее действительность, является единым и различается лишь по степени и формам своего развития. При этом мы исходим из того положения, что первобытный человек мыслил так же логически, как и мы. На этом основа-

* Настоящая статья — сокращенная часть вводного раздела работы «Религиозные представления долганов», написанной на основе материалов, собранных на месте в 1929—1930 гг. и являющейся попыткой исследовать развитие религиозных представлений долганов.

Долганы — небольшая народность, обитающая на Таймырском полуострове. Говорят они на якутском языке, но по происхождению относятся к эвенкам. Долганы — кочевники-оленьеводы и охотники. Еще в 1930-х годах они сохраняли большое количество архаических пережитков в быту и культуре.

нии, пользуясь фактами, полученными в результате полевых наблюдений, вполне возможно проследить возникновение и развитие тех или иных представлений. Но для этого исследователь должен, по возможности, переключиться на психологию первобытного человека с его низким уровнем положительных знаний, приводившим к целому ряду ошибочных умозаключений (речь идет о логике мышления).

Психолого-аналитический метод требует большой осторожности во избежание ошибок невольного перенесения наших собственных, более развитых, представлений на первобытного человека. Наиболее успешно может пользоваться этим методом полевой работник, стационарно изучавший народность, в совершенстве владея ее языком.

Немалые трудности представляет для исследователя неразработанность терминологии в области первобытных мировоззрений. В этих случаях приходилось обращаться за консультацией к философам, но, к сожалению, необходимая нам терминология и у них оказывалась недостаточно разработанной. Ввиду такого положения мы вынуждены были изобретать некоторые новые термины (например, «ассимилятизм»), явно условные, которые могут быть заменены, если будут предложены другие, более удачные. От некоторых общепринятых терминов, как от неудачных, пришлось совершенно отказаться. Так, говоря о первобытном мировоззрении, мы считали совершенно неправильным употребление термина «сверхъестественное», так как представление о сверхъестественном свойственно только едва ли не высшим религиям и во всяком случае возникает очень поздно. Что значит «сверхъестественное»? Это значит: не объяснимое естественным образом; таинственное, чудесное; это понятие связано с мистическими представлениями, которые на самом деле отсутствуют у первобытного человека. Для последнего нет необъяснимых явлений. Другое дело, что его объяснения могут быть ошибочными, иррациональными в силу низкого уровня положительных знаний. Приписывание Леви-Брюлем первобытному человеку мистицизма — плод теоретизирования кабинетного ученого, никогда не имевшего дела с изучаемым им объектом.

Изучение пережитков архаических представлений дает возможность выяснить, каким образом восприятие первобытным человеком окружающего мира могло приводить на определенных этапах развития к ошибочному мировоззрению, явившемуся предпосылкой для возникновения религиозных представлений.

Мыслительные способности первобытного человека развивались в результате долгой трудовой практики. Постепенно накапливались некоторые зачатки конкретных знаний о самых элементарных законах природы, тогда еще четко не сформулированных человеком. Для этого нужно было познать, прежде всего, наиболее важные, необходимые для жизни объекты природы. Так, первобытный охотник, существование которого зависело от животных, неизбежно в первую очередь должен был направить все свое внимание на их познание в процессе охоты. Эта практическая необходимость приводила к развитию наблюдательности и к накоплению некоторого опыта, элементарных, но все же реальных знаний. Однако в этот ранний период наблюдательность первобытного человека носила, конечно, специфически практический характер. Человек проявлял интерес к окружающим его предметам и явлениям природы только тогда, когда он осознавал в какой-то мере свою жизненную, повседневную связанность с ними, практическую зависимость от них, или если они поражали его своей необычностью (например, искры при ударе камня о камень, ставшие, вероятно, в некоторых случаях причиной открытия огня).

Первобытный человек в тех случаях, когда не обнаруживал этой практической связи (действительной или мнимой) между собой и предметами и явлениями природы или имел дело с явлениями обычными, происходившими перед его глазами изо дня в день, примелькавшимися ему, мог и не проявлять к ним интереса до тех пор, пока развитие производительных

сил, изменение внешней среды или действие каких-либо иных причин не ставило его в круг новых связей и зависимостей. Но однажды обратив внимание на те или иные явления, он усиливал свои наблюдения над ними, не упуская из виду самых трудноуловимых особенностей, и в меру своих скудных познаний старался объяснить их, расширял круг этих познаний. Возможно, даже на такие объекты, как солнце, он обратил внимание не сразу, а только тогда, когда стал осознавать благотельное или губительное воздействие его лучей.

В дальнейшем, с расширением трудовой деятельности, у человека начинают развиваться зачатки способности к отвлеченному мышлению и к обобщениям. При этом явления, трудно познаваемые с помощью его ограниченных положительных знаний, приводили к возникновению фантастических представлений, основанных на ошибочных предпосылках, построенных умозрительно. Такие представления продолжали развиваться и накапливаться в течение очень длительного времени и начали отмирать только с развитием науки.

Первобытного человека, конечно, нельзя считать «философствующим дикарем», но было бы другой крайностью считать его существом, совершенно не способным пусть к примитивному, но отвлеченному мышлению. И нет ничего удивительного, что при низком уровне знаний это отвлеченное мышление приводило к ошибочным умозаключениям.

Прежде чем перейти к описанию и рассмотрению представлений, которые мы относим к нерелигиозным, следует коснуться и определения категории «религиозного».

В науке довольно широко распространено мнение, что разбираемые нами ниже примитивные представления в корне идеалистичны и религиозны. Эти представления ошибочны, ложны, но вместе с тем не могут быть определены как идеалистические, потому что являются результатом попыток человека осознать и объяснить жизненно необходимые ему в его практической деятельности явления, исходя из накопленных им, хотя и очень ограниченных, позитивных знаний. Идеалистическим мировоззрение становится лишь тогда, когда человек начинает отделять себя от природы, качественно противопоставлять себя ей. Существующие до этого момента превратные представления примитивного человека об окружающем его мире нельзя смешивать с религиозными, какими бы фантастическими ни казались эти с нашей точки зрения. Но ведь и в наше время, так как не все хорошо разбираются в законах физики, химии и других естественных наук, в попытках осознать происходящие явления природы иногда допускаются ошибки; нельзя же таких людей на этом основании относить к идеалистам.

Едва ли возможно согласиться с мнением, согласно которому религия есть осознание человеком его зависимости от природы. Свою зависимость, вернее взаимозависимость между собой и природой, человек должен был осознать уже на самых первых порах своей производственной деятельности. Безусловно, первобытный человек, обладая меньшим количеством средств активного воздействия на природу, чем мы, был бессилён, но он был бессилён по сравнению с нами. Он никогда не отказывался от активного воздействия на природу имевшимися в его распоряжении примитивными средствами. Конечно, он бывал иногда совершенно подавлен некоторыми стихийными явлениями природы, так же как перед некоторыми из них бываем беспомощны и мы в XX в. Человек возник в процессе активного воздействия на природу, в котором, как мы знаем, он в подавляющем большинстве случаев брал верх, выходил победителем,— иначе он не выжил бы. Человек использовал в качестве материала предметы мертвой природы и, изготавливая орудия, изменял вид и форму этих предметов, создавал качественно новые вещи. Человек охотился, добывал себе пищу, пользовался огнем. Все это, а тем более при крайне низком уровне жизненных потребностей, должно было обуславливать чувство некоторого превосход-

ства над окружающим его миром, весьма далекое от сознания пассивной зависимости и бессилия. Ослабленные по тем или иным причинам группы людей, у которых только и могло рождаться чувство бессилия, неминуемо гибли в полужвериной борьбе за существование.

Религиозные представления начинают появляться лишь тогда, когда человек, накопив уже достаточный жизненный опыт, значительно расширив сферу своей деятельности и развив в себе способности к обобщению и абстрагированию, познает свое бессилие перед силами природы. Он начинает выделять себя из окружающего мира и, противопоставляя себя природе, приходит к ложному заключению о существовании другого мира живых, но призрачных и невидимых существ, от которых зависят его жизнь, его благополучие и перед которыми он бессилен. Лишь в этих попытках нематериального объяснения явлений рождается категория религиозного.

Отсюда неизбежно вытекает, что религия возникает только тогда, когда появляются представления о духах, в период анимизма. И возникает она не в начальный период анимизма, а несколько позже. Возникновение анимизма, как и разбираемых ниже представлений, имело гносеологически ошибочные корни. Между «открытием» существования духов и осознанием человеком полной зависимости от них должно было пройти некоторое время.

В связи с изложенным выше, считаем не лишним сказать несколько слов об определении И. А. Кривелевым религии, данном в его работе «К критике анимистической теории»¹ и отражающем точку зрения многих советских исследователей, — «Религия есть фантастическое отражение бытия человека в его сознании». Все здесь верно, но все же данное определение свойственно не только религии, частично оно относится и к искусству, так как и здесь может иметь место это нереальное, фантастическое отражение бытия. Основным признаком религии И. А. Кривелев считает веру в сверхъестественное, что не является новостью. При этом, сознательно или бессознательно, но к оценке того, что могло считаться первобытным человеком сверхъестественным, И. А. Кривелев подходит с меркой современного человека. Такой подход и дает ему возможность относить к религии все ошибочные (опять-таки с нашей точки зрения) заключения, являвшиеся по сути дела результатом попыток познания природы первобытным человеком, а следовательно, не чем иным как зачатками науки. Но ведь для первобытного человека эти заключения казались настолько же верными, как для нас в настоящее время выводы науки, хотя возможно, что в будущем некоторые из них окажутся настолько ошибочными, что тоже будут казаться представлениями о сверхъестественном. Исходя из указанного выше признака, И. А. Кривелев очень расширяет рамки религии, включая в нее все «суеверия», подавляющее большинство которых не имеет к ней никакого отношения. Из этого совершенно не следует, что в наше время не нужно бороться с «суевериями», но для этого нет никакой необходимости относить их к религии.

Ассимилятизм и аниматизм

Исходя из анализа этнографических данных, мы склонны допустить, что анимизму, под которым мы имеем в виду одухотворение природы, предшествовал длительный период в жизни первобытного человека, когда он для познания окружающих его предметов и явлений природы широко пользовался сравнениями, имея для сопоставления единственный понятный ему критерий — самого себя.

При таком примитивно-логическом методе, пользуясь ложными аналогиями, он доходил до того, что наделял окружающие его объекты общест-

¹ «Вопросы философии», 1955, № 2.

венным бытием, считал возможным для людей вступать с этими объектами в различные отношения, в том числе и родственные.

Этот продолжительный доанимистический период развития мышления первобытного человека мы делим хронологически на два этапа: а с с и м и л я т и з м и а н и м а т и з м.

Ассимилятизм, характеризующий наиболее ранний этап человеческого мышления, был связан в основном с миром животных. Сущность его состояла в наделении животных особенностями характера, психическими свойствами, присущими самому человеку.

В основе ассимилятизма лежали правильно подмеченные первобытным охотником некоторые особенности поведения животных, сходные с человеческим поведением. Но наряду с этими легко объяснимыми особенностями животных, человек подмечал у них и особенности, не понятные ему при низком уровне его культуры. Это непонятное он пытался также объяснить по ложной аналогии и при этом доходил до того, что наделял животных и такими свойствами, которыми не обладал и сам, — например всеведением, способностью предсказывать будущее и т. п.

Предлагаемый нами термин (ассимилятизм) следует четко отграничить от так называемого антропоморфизма. Под антропоморфизмом следует понимать полное уподобление предметов природы человеку, не только психическое, но и телесное, приводящее к персонификации предметов и явлений природы, что свойственно более позднему периоду мышления, связанному с анимизмом, когда на смену безразличному отношению к внешнему облику приходят представления о способности людей обращаться в животных и животных — в людей.

Переходя к материалам, дающим представление об ассимилятизме у долганов², мы, ввиду ограниченного объема статьи, вынуждены привести их в самом сжатом виде.

Животные считались существами, близкими к человеку, отличающимися от него только по своему внешнему виду; они якобы понимали человеческую речь. Долганы, чтобы не распугать диких оленей, перед тем, как идти охотиться на них, говорили: «Идем охотиться за куропатками» или «Идем посмотреть землю». Охотник, встретивший медведя, чтобы он не напал на него, кланялся и говорил: «Я не охотник, не охочусь на тебя». Заяц, по представлениям долганов, стыдится, что у него нет хвоста и нечем ему прикрыть зад. Пользуясь этим, охотник, увидевший зайца, кричал ему: «Зад у тебя показался». Заяц, остановившись, оглядывался, а охотник тем временем стрелял в него.

Живые существа умеют якобы так же рассуждать и действовать, как и люди. «Дикий олень обратился к домашнему: «Зачем ты пришел к человеку? Человек будет мучить тебя, он имеет худые мысли, лучше приди ко мне, опять диким оленем будь!» На это домашний олень ответил: «Мною человек будет пользоваться для своих нужд, лучше ты приди ко мне, будь домашним оленем. Человек тебя незаметно, крадучись, станет убивать. Вот ради этого я пришел к нему и от него не уйду» (Записано автором статьи от Павла Яроцкого, р. Пясины³). Когда рождается мальчик, чайка радуется и, чтобы его не продуло, загребает ногами завалинку вокруг чума, говоря: «Человек родился, родился охотник, от его добычи и мне будет перепадать»; когда же рождается девочка, чайка огорчается и разгребает ногами завалинку чума, чтобы девочка замерзла.

Некоторые животные относятся к людям благожелательно. Так, ближайшими друзьями человека у долганов считались домашний олень и со-

² Конечно, эти архаические представления сохранились у долганов (как и у многих других народов) лишь в пережиточном виде, чаще всего только в фольклоре, особенно в сказках и преданиях, широко распространенных в циркумбореальной зоне и являющихся, видимо, очень древними по своему происхождению.

³ В дальнейшем в статье в скобках всюду указываются фамилия информатора и место записи приводимого текста.

бака. Домашние олени, по поверью, предупреждали своих хозяев об ожидающем их неблагополучии, например об эпидемии, с хорканьем бегая целыми стадами. Когда домашний олень «говорит», т. е. когда он издает особые звуки, он тем самым предсказывает неудачную охоту, нападение волков на стадо, опасность заблудиться и т. д. «Четырехглазая» собака, т. е. собака с белыми пятнами над глазами, считалась отгоняющей злых духов; когда она лаяла во сне, она предупреждала своих хозяев о предстоящем нападении волков на оленей.

Как мы знаем, в примитивном обществе люди, выдающиеся силой, отвагой и другими качествами, становились во главе общественных групп. Такие же выдающиеся особи, по представлениям долганов, были и среди животных: у диких оленей был «хозяин» — двухголовый большой олень. По словам Романа Барханова (станок Крыс, р. Пясины): «Так же, как и среди людей бывают выдающиеся люди, и среди медведей иногда появляется черный медведь с белой шерстью вокруг шеи в виде ошейника. Это «отец» всех медведей, хозяин над всеми медведями». У муравьев якобы бывает «муравьиная мать» длиною с поларшина, у песцов и зайцев — шаманы.

Некоторые животные, например, волк и медведь, считались превращенными людьми. По рассказам долганов, в старину был такой случай, когда один шаман превратил такого волка снова в человека. От волка у него остался только хвост. А так как он очень стеснялся этого, он однажды отрубил себе хвост топором. В подтверждение того, что медведь раньше был человеком, долганы говорили: «Разве ты не видел, как медведь похож на человека, когда с него снимут шкуру?». На этом основании некоторые долганы отказывались есть медвежье мясо, говоря: «Мы не едим человеческого мяса». Существовали рассказы о том, как медведь сожительствовал с долганскими женщинами и приживал от них медвежат.

Один из видов орлов — «ёксёкю», по рассказам долганов, утаскивает людей к себе, под землю. Там орел снимает верхнюю, птичью одежду и превращается в человека. Ёксёкю боялись ударов бубна, поэтому норильские долганы, когда кочевали в горах Елового Камня, где водились ёксёкю, пугали их, ударяя в бубен, покрытый налимьей кожей.

При анализе обширных материалов, записанных нами у долганов, нельзя не обратить внимания на неодинаковую разработанность представлений о животных. Так, у них представления о диких оленях, медведе и волке разработаны более детально, чем о других животных. В прошлом дикий олень у долганов имел важное хозяйственное значение, и поэтому охотнику больше представлялось возможностей наблюдать за ним в процессе охоты.

Что касается представлений о медведе и волке, то, вероятно, к внимательному наблюдению за ними вынуждало человека желание найти более действенные меры защиты самих себя и стад домашних оленей; особенно это относится к волкам, которые для оленеводов являлись настоящим бичом.

В отношении птиц у долганов чаще всего встречаются представления об орлах и вороне, хотя они в хозяйственной жизни не имели значения. Такое отношение к ним было широко распространено не только у долганов, но и у ряда других народов Сибири. Можно полагать, что причиной этого были какие-нибудь особенные свойства этих птиц, поражавшие первобытного человека, например высота полета у орла, черный цвет ворона и т. д.

Что касается других птиц, служивших объектом охоты, то скудность представлений о них, вероятно, объясняется их малым хозяйственным значением. Это же можно предполагать и в отношении рыб. Однако возможно, что причиной меньшей разработанности представлений о птицах и рыбах могла послужить и трудность наблюдения за их жизнью.

Поскольку насекомые в жизни долганов не имели никакого значения,

то и представления о них были очень скудными. Исключение составляли комары, приносящие большой вред оленям.

Вторым этапом в развитии мышления первобытного человека мы считаем аниматизм — наделение предметов мертвой природы свойствами живых существ. В отличие от прежних исследователей мы этот этап считаем не первичным, потому что формирование его предполагает наличие уже более или менее развитой способности к отвлеченному мышлению. Аниматизм, непосредственно вытекающий из ассимилятизма, представляет собою генерализацию представлений — перенесение основных свойств живой природы на мертвую.

Причиной возникновения аниматизма, вероятно, послужили не только наблюдения над изменениями положения, состояния мертвых предметов природы, но и многие другие явления, которые нам теперь трудно установить. В жизни часто явления одинаковые (или наблюдаемые нами как сходные) могут вызываться различными причинами. Нам кажется, не всегда правы те исследователи, которые во всех случаях пытаются объяснить какое-либо явление общественной жизни только одной кажущейся им вероятной причиной, отрицая возможность других, так как при этом они бессознательно упрощают, схематизируют сложные процессы развития культурных и общественных явлений.

Из нашего деления раннего периода развития мышления первобытного человека на два этапа не следует делать вывод, что с появлением аниматизма отмирает ассимилятизм. И ассимилятизм и аниматизм возникли на основе одинаковых ошибочных предположений; обе эти системы в дальнейшем продолжают развиваться параллельно.

По воззрениям долганов, огонь — живое существо, обладающее способностью движения. Все, что попадает в огонь, исчезает, — значит огонь, как и всякое живое существо, ест. Поэтому долганы «кормили» огонь, бросая в него кусочки пищи, главным образом жир. Если что-либо сгорало в огне, говорили: «огонь съел» (уот сизэт). Мало того, предметы неодушевленные наделялись речью. Охотник при осмотре пастей⁴ не должен был петь, иначе после ухода охотника пасти, подражая ему, начинали распевать и этим разгоняли песцов.

Яркую картину аниматизации предметов долганами дает следующий рассказ. «В старину к одним жителям пришел абааһы (злой дух. — А. П.). Все живущие в чуме спрятались. Тогда абааһы, никого не найдя, обратился к поварешке: «Где спрятались люди?» Поварешка ответила: «Мною черпают жир, кормят меня, я ничего не скажу». Абааһы рассердился и растоптал поварешку. После этого он обратился к котлу с тем же вопросом. Котел сказал: «Внутри меня варят мясо и жир, и я ничего не скажу». Тогда абааһы обратился к деревянному крюку⁵. Крюк ответил: «Я не буду скрывать, куда спрятались люди. Ковш получает жир, котел — еду, я же ничего не получаю, только сгораю на огне, — и все рассказал» (записано от Дмитрия Поротова, станок Мироновский⁶). Поэтому, чтобы не сердить крюк, его никогда не оставляли висеть над очагом свободным, чтобы он не подвергался действию огня⁷; домохозяйки или почитаемые в семье старухи «кормили» крюк, для чего бросали в огонь кусочки жира, наклоня несколько раз крюк над дымом. Сделав новый крюк, обмазывали его жиром дикого оленя, говоря: «Котел, который будет висеть на тебе, в продолжении всего твоего существования пусть будет с содержимым, будь

⁴ Пасть — давящая ловушка на песцов.

⁵ Крюк для подвешивания котлов и чайников над очагом.

⁶ В данном рассказе хотя мы и имеем абааһы — позднейшее наслоение анимизма, однако в нем гораздо больше аниматических представлений: поварешка, котел и крюк — «живые» существа.

⁷ Благодаря особому устройству долганский крюк для вешания котлов и чайников можно низко опускать или поднимать над огнем. Поднятый крюк не подвергается действию огня.

счастливым крюком!» (Эйиэкэ ыйааммыт сулуур истээк буоллун, джол-лоок олдоон буол!).

Аниматические воззрения долганов были связаны и с ружьем (в прошлом, вероятно, с луком). Убив дикого оленя, охотник «кормил» свое ружье, обмазывая его жиром и кровью. В некоторых случаях ружье якобы переставало попадать в цель, потому что «стыдилось» (һаатар); для того чтобы ружье перестало «стыдиться», охотник перед выстрелом затыкал дуло листиком растения. В тех случаях, когда ружье упорно «не желало» попадать в зверя, его обманывали — перед выстрелом отверстие дула затыкали комочком земли и стреляли, говоря: «Взрой землю» (Буору табый!). Ружье «думало», что стреляет в землю, и попадало в зверя.

Особенно ярко выразилось аниматическое воззрение в приводимых ниже словах долганки Прасковьи Поротовой (станок Кресты за р. Хатангой).

Сын Поротовой, искусный охотник на диких оленей, пришел однажды без добычи, израсходовав все бывшие при нем ружейные заряды. Мать обратилась к нему со следующими словами: «Твое ружье нганасанское, взятое у нганасана Ураанника. Почему же ты, как и сами нганасаны, застрелив дикого оленя, не вырезаешь у него глаз? Нганасанское ружье приучено к этому, раз ты не вырезаешь глаз у убитого тобой оленя, оно и не попадает».

Всецело на аниматических воззрениях были основаны у долганов гадания — «һэрэбэ». Остановимся на них подробнее.

Об исходе болезни гадали следующим образом. Брали два уголька. Один из них называли угольком айыы⁸, другой — угольком абааһы. Чтобы различить угольки, делали на них отметки и привязывали каждый отдельно к концу нитки. Затем, взяв нитку посередине, вращали ее в воздухе, причем обе половинки ее скручивали вместе. После этого нитку обносили трижды посолонь вокруг себя и, взяв ее посередине пальцами обеих рук и проводя пальцами к концам нитки, распутывали скрутившиеся половинки. Если уголек абааһы оказывался в правой руке, больной должен был поправиться.

Из налимьих голов набирали сорок круглых костей, похожих на чашечки, и, сложив их вместе, делили без счета на четыре кучки. Считали кости, оказавшиеся в каждой из кучек. Если в четвертой кучке было больше костей, чем в каждой из остальных, загаданное должно было исполниться.

Гадающий клал перед собою на пол доску и проводил на ней острым концом шила линию от себя — «дорогу айыы», затем пересекал эту линию накрест другой — «дорогой абааһы»⁹. После этого гадающий втыкал в конец рукоятки шила иголку с продетой длинной ниткой и становился над доской, наклонив голову и держа в зубах нитку с шилом, направленным острием вниз. Затем, толкнув шило рукой, приводил его в вращательное движение и через некоторое время отпускал нитку. Падая, шило вонзалось острием в доску. Если оно попадало в дорогу айыы, или близко от нее, загаданное должно было исполниться.

На золе с горячими углями проводили три черты, расходящиеся от одной точки, на которую клали глазное яблоко вареного налима. О результате гадания судили по тому, в какую сторону от жара оно отскочит: если вправо — к удаче, если влево — к неудаче.

Гадали по левой лопаточной кости дикого оленя, зайца или утки. Клали ее на горячие угли и спустя некоторое время капали сверху воду. Кость

⁸ Айыы — доброе божество. См. также сноску 9.

⁹ «Дорога айыы», «дорога абааһы» в данном случае имеют переносное значение — дороги, приносящей счастье или несчастье. У долганов, как и у якутов, имеется много таких переносных значений слов «айыы» (добрый дух) и «абааһы» (злой дух). Например: «человек айыы» — положительный, доброжелательный человек, «человек абааһы» — злой, своенравный человек.

давала трещины: продольные — толковались как дороги солнца, поперечные — как дороги болезней. Пересечение дороги солнца означало неудачу. Трещина, отходящая направо от дороги солнца, предвещала удачу, налево — неудачу.

Молодые люди, гадающие о женитьбе, брали каждый по копчиковой кости оленя, клали их в один ряд и приводили собаку. Чью кость первой схватывала собака, тот и должен был вскоре жениться.

Взяв три равные нитки, четверти по полторы длиной, складывали их вместе так, чтобы они лежали ровно. Затем, схватив пучок за конец, подносили к губам и говорили: «Устрою (тебе) надежную обеспеченность, чистое счастье, дорогу моего айыы раскрой!» (Кээспэт кэскили, ыраас ыгры онгоруом, айыым суолун ас!). После этого нитки сучили на коленях и, не раскручивая их, связывали их противоположные концы. Если по разделении нитей оказывалось, что все три соединились концами, считали, что задуманное исполнится.

На двух концах платка по диагонали завязывали по узлу — один пустой, другой с маленьким угольком. Затем, взяв оба узелка в руку, подносили к губам и говорили: «Я хочу идти охотиться на диких оленей. Огонь-дедушка, отпусти, я, тебя выбирая советчиком, гадаю, по задней дороге буду следовать!» (Мин кыыллы бараары кынным, уст-эһэ, мин эйигин сюбэ Һит кына, Һэрэбэлээтим, кэнники суолу батыам!). После этого свертывали платок жгутом и, закрыв глаза, трижды обносили его вокруг себя посолонь, передавая из одной руки в другую, затем развязывали один из узлов. Если в нем оказывался уголек, гадание считалось предвещающим удачу.

Рассматривая все эти гадания долганов, можно разбить их на две группы.

В одних случаях долганы видели в предмете, с помощью которого гадали, сознательное, живое существо, с которым можно общаться. Это видно из того, что к этому предмету обращались как к живому, со словесной просьбой. Если гадающий иногда и не выражал своей просьбы словами, он делал это мысленно. Нужно при этом отметить, что в некоторых случаях (как при гадании нитками) он видел в предмете, который употреблялся при гадании, не простого предсказателя будущего, а считал исполнение желаемого события зависящим от воли этого предмета. Таким образом, предмет для гадания принимал активное участие в судьбе человека. Вот почему гадающий старался расположить его к себе посулами.

В других случаях долганы при гадании обращались к содействию особого существа, например дедушки-огня, собаки. Тут гадальный предмет считался только средством, с помощью которого привлеченное к гаданию живое существо должно дать ответ: дедушка-огонь, направляя узелок с угольком в правую или левую руку, собака, схватив кость, положенную определенным человеком. В этих случаях мы, очевидно, имеем дело с более поздними явлениями, когда аниматические воззрения начинают заметно переосмысливаться.

Иногда долганы думали, что можно, пользуясь магическим значением слова, изменять результаты гадания, если они неблагоприятны. Перед отправлением на рыбную ловлю гадали, бросая вверх рукавицу. Если она падала вверх ладонью, считали, что ловля будет удачной, если тыльной стороной — неудачной. В последнем случае гадавший откладывал рукавицу в сторону, говоря «Ни то, ни се» (бу даа, ол даа буолбатак. — Перевод по смыслу. А. П.), думая, что этими словами он изменяет, уничтожает неудачный результат гадания.

Как видно из приведенных примеров, гадания требовали активности со стороны гадающего: желавший узнать будущее должен был совершать определенные действия.

Из всего сказанного нетрудно отметить общие особенности ассимилятизма и аниматизма. В этот период первобытный человек не выделяет се-

бя из природы (из мира животных и оживотворенных им мертвых предметов), не противопоставляет себя ей. Даже сознавая, что как животные, так и оживотворенные им предметы природы внешне отличаются от людей, он тем не менее наделяет их разумом, волей и другими психическими особенностями, присущими ему самому.

Образ-понятие

В настоящей главе мы постараемся разобрать взгляды долганов на некоторые процессы мышления человека. Сущность их заключается в том, что образы восприятий и представлений также оживотворяются, что, таким образом, является не чем иным, как перенесением в область психики человека норм аниматического мировоззрения.

Образы восприятий и представлений мыслились долганами живыми и так же реально существующими, как и все предметы окружающей природы.

Возникновение в памяти образа восприятия истолковывалось как отделение от реально существующего предмета его двойника, являющегося как бы его копией, и вселение этого двойника в человека. Возникновение в памяти образа представления истолковывалось как вселение в человека свободного образа, не связанного с реально существующим в природе предметом. Последнее воззрение возникло, вероятно, позже, с дальнейшим развитием абстрактного мышления и в результате попыток объяснения представлений, в том числе фантастических, вызываемых воображением. Подобные истолкования образов восприятий и представлений мы называем представлениями об образах-понятиях. Прежде чем излагать их, обратим внимание на некоторые особенности, характеризующие мышление примитивного человека и в качестве пережитков сохранявшиеся среди отдельных народов Сибири, в том числе и у долганов.

Человек в процессе производственной деятельности познает мир, т. е. отражает в своем сознании окружающие его предметы и явления. Всякое познание начинается с наблюдения, а наблюдения первобытного человека в основе своей носили односторонний, утилитарный характер. В первую очередь привлекали его внимание предметы и явления природы, существенно необходимые для поддержания жизни. Однако, если бы результаты этих наблюдений не оставляли в памяти человека никаких следов, они не имели бы никакого значения для дальнейшего развития мышления. Для этого важно было закрепление в памяти результатов наблюдений, образование представления, запечатлевавшего чувственный и практический опыт. Эти восприятия выполняли в сознании первобытного человека функцию несравненно более широкую, нежели в сознании современного человека. Будучи конкретно-образными, они до некоторой степени заменяли абстрактное мышление, возмещая также и недостатки в развитии воображения.

У бесписьменных народов образы восприятий имеют некоторое качественное отличие от наших. Они ярче и более детализированы. Первобытный человек имеет возможность закрепить образы восприятия только одним-единственным способом — запоминанием, и способность к последнему получает поразительное развитие, что объясняется постоянным упражнением наблюдательности в борьбе за существование. У культурных людей объем знаний гораздо шире, восприятия сложнее и запоминать их, не прибегая к помощи записей, уже невозможно. Нет нужды говорить здесь о громадном значении письменного закрепления восприятий, служащего полной гарантией против забвения восприятий. Однако развитие письменности уже не способствует в общем такому развитию памяти, какое существует у народов бесписьменных.

Когда приходилось просить долгана, никогда до того не державшего в руке карандаш, нарисовать какой-либо сложный предмет, то появляв-

шийся примитивный рисунок передавал этот предмет с мельчайшими деталями, доступными восприятию разве только художника с весьма изощренной зрительной памятью. Низкий уровень развития труда вынуждал первобытного человека в суровых условиях быть всегда наблюдательным, заставлял запоминать все доступное чувственному восприятию, что приводило в результате к конкретно-образному, предметному способу мышления. При этом человеческое сознание отображает не только образы предметов, непосредственно воспринятых органами чувств в данный момент, — в памяти человека могут вновь возникать образы ранее воспринимавшихся предметов. Такие образы восприятий возникают внутри нас. Однако примитивный человек, не будучи еще в состоянии отличать мыслимое от реально существующего, допускал одну важную ошибку: возникающие в сознании образы он считал отражением такой же реальной действительности, как и все окружающие его, доступные восприятию органов чувств объекты. «Образ-понятие» у долганов обозначается таким же термином, как и тень — «кюлюк». Это дает возможность разобраться в генезисе и развитии образа-понятия.

Первобытный человек, исключительно наблюдательный, не мог не подметить специфических особенностей образов-понятий. Они были непостоянны, быстро появлялись и так же быстро исчезали. Хотя они были «видимыми»¹⁰, но в то же время были бестелесными, т. е. обладали свойствами тени, которую так часто приходилось человеку видеть. Тень, непосредственно связанная с каждым предметом, естественно, представлялась первобытному человеку двойником предмета, связанным с его жизнью. Все, что совершалось с тенью — полезное или вредное, отражалось на его реальном двойнике.

У долганов тень (кюлюк) считалась двойником человека и животных, тесно связанным с их жизнью. Поэтому они думали, что вред, причиняемый тени, отражается на ее живом двойнике. Так, запрещалось ударять тень, бросать в нее чем-либо, младшему по летам запрещали касаться тени старшего. В широком смысле долганы называли тенью всякое плоскостное изображение. Мой фотоаппарат назывался по-долгански «берущий тень» (кюлюк ылар). Еще в 1930-х годах норильские долганы очень неохотно фотографировались. Многие, особенно женщины, когда я наводил на них фотоаппарат, закрывали лицо руками или отворачивались. На р. Пясины я очень огорчил одну старуху тем, что сфотографировал ее. Она плакала, говоря, что я взял у нее тень, и она скоро умрет.

Отсюда появление в памяти образа объяснялось долганами как приход тени мыслимого объекта. Если дело обстояло так, то все, что совершалось с мыслимым образом, должно было совершаться и с самим объектом. Например, если подумать о ком-нибудь что-либо недоброжелательное, то это должно сбыться. Здесь, по воззрениям долганов, происходил довольно сложный процесс, который я поясню на примере. Предположим, я пожелал моему соседу умереть. При этом в моем представлении возникает образ соседа, т. е. его тень-двойник отделяется от него и приходит ко мне. Когда эта тень в моем воображении умирает, должен умереть и сосед, так как тело его связано с тенью. Поэтому долганы старались, чтобы на свадьбе или родине все присутствовавшие оставались довольными. Недовольные могли подумать о новобрачных или новорожденном что-либо дурное и причинить этим несчастье.

¹⁰ Первобытный человек не имел представления о физиологических процессах, приводящих к зрительным образам, и образ-понятие отождествлял с последними. Подтверждение этого предположения мы находим в пережитках, сохранившихся в шаманстве некоторых народов. Например, у долганских и нганасанских шаманов существовали специальные повязки, закрывающие глаза. Когда шаманы в определенные моменты камлания завязывали глаза, они якобы получали способность видеть невидимое с помощью вторых глаз, свойственных только им. В данном случае глазная повязка, отвлекая внимание шамана во время экстаза, способствовала возникновению необходимых ему образов-понятий, которые воспринимались им как зрительные образы.

Так как по представлениям долганов всякий образ-понятие реально существовал, он мог оказывать воздействие на внешние объекты. Каждый охотник, подстерегающий с ружьем на поколке¹¹ диких оленей, естественно, думал как бы добыть оленя. При этом в сознании его возникали образы убиваемых им оленей, т. е., по его представлению, вселялись в охотника образы-понятия — тени оленей, связанные с их материальным существом. И эти образы-тени, выходя обратно через рот охотника, могли предупредить оленей и направить их в другую сторону. Во избежание этого, охотник затыкал себе рот пучком травы.

Таким образом появляется первобытное дуалистическое мировоззрение. Чего легче, казалось бы, отсюда прийти к заключению, что тень и образ-понятие есть душа. Но такой вывод был бы поспешным и ошибочным.

В результате долголетней практики полевой работы я пришел к заключению, что изучение представлений о жизненной субстанции является едва ли не самым трудным вопросом в области идеологии. Всякая ли жизненная субстанция является душой? Правильно ли думать, что первобытный человек считал душами кровь, дыхание, тень — на том основании, что от них зависела жизнь? Не приписываем ли мы в данном случае первобытному человеку представления людей гораздо более позднего времени? В некоторых случаях совпадение термина «душа» с названием одной из указанных выше субстанций ничего еще не говорит. Известно много случаев, когда название одного предмета переносилось на другой.

Что от крови, дыхания и тени зависела жизнь — это, вероятно, человек осознал очень рано. Полагая, что первобытный человек считал их душой, ученые пришли бы к выводу об извечности представлений о душе. Но в понимании первобытного человека не всякая жизненная субстанция есть душа, представление о ней является характерной особенностью позднейшего анимистического мировоззрения.

В то время, когда слагались представления о тени и образе-понятии, первобытный человек ввиду низкого уровня мышления вряд ли задумывался над сущностью сложной психической стороны жизни — и тень, и образ-понятие он связывал только с телесным существованием. Гораздо сложнее представления о душе, являющиеся результатом развития большей способности к абстрагированию. С появлением представлений о душе телу придается второстепенное значение вместилища, внешней оболочки души, которая ведает всеми психическими проявлениями, имеющими в жизни первенствующее значение. Душа является как бы внутренним хозяином, таким же, каким наделяются по анимистическим представлениям все объекты и явления природы.

С развитием аниматизма человек пришел к мысли, что в природе все живое, но он не задавался целью выяснить, почему оно живое. Если он и подмечал некоторые психологические явления, которые были очень уж необычными для него, например образы-понятия, он истолковывал их материалистически.

Однако человек не всегда думал только о конкретном, лично ему известном объекте, например о виденном им пестром олене. Видимо, уже в порядке генерализации восприятия, в сознании его возникал образ оленя вообще, никому не принадлежащего, даже существующего только в восприятии. Также совершенно случайно возникали в сознании и самые необычные фантастические образы. Раз образы-понятия воспринимались как реально существующие, приходящие извне, откуда же приходили образы, не являвшиеся двойниками известных, знакомых человеку объектов? Откуда они могли прийти, как не из окружающего мира, где они

¹¹ «Поколка» — в прошлом широко распространенный на Севере способ добычи диких оленей. Весной и осенью, когда дикие олени большими стадами переплывали реки, их закалывали копьями с лодок-челноков. При этом часть оленей выходила на берег, и их убивали из ружья подстерегающие охотники.

существовали в свободном состоянии вне связи с реально существующими предметами? Эти свободные образы-понятия как легко вселялись в человека, так легко могли и покидать его; при этом образы-понятия, будучи выражены словами, якобы становились зримы. Весной, во время прилета гусей и уток, долганы не рассказывали былин и сказок. Образы повествований, становясь зримыми, якобы распугивали птиц, и они пролетали стороной. Во время эпидемий заставляли рассказывать былины и сказки, которые рисовали жизнь героев счастливой. Дух болезни, подойдя к тем чумам, где рассказывали такие былины и сказки, будучи обманут их образами, говорил: «Что это за люди, хотя я на них и посылаю болезни, а они все продолжают жить благополучно. Пожалуй, с ними ниче́го не сделать», — и уходил совсем. Каждый шаман перед лечением больного должен был узнать причину болезни. Для этого ему нужно было увидеть духа болезни и узнать, что следует предпринять против него. Но бывали иногда такие дошлые духи, что никак не попадались на глаза шаману, и он не мог поэтому приступить к лечению. В таких случаях шаман после бесплодных попыток обращался за помощью к сказочнику. Вечером шаман приходил к больному и прятался около него. Позже приходил сказочник и начинал рассказывать былинку или сказку о борьбе добрых героев со злыми духами, причем первые начинали побеждать последних. Дух болезни воспринимал образы былины или сказки как действительные. Ему становилось жалко своих побежденных сородичей и он, желая заступиться за них, вылезал из больного и попадался на глаза шаману. А этого-то и нужно было последнему.

Однако, хотя образы-понятия и становились видимыми, они продолжали оставаться неосвязаемыми, непостоянными тенями. Это видно из следующих рассказов.

1. «В старину к одному сказителю пришла русская болезнь (оспа) и сказала: «Укажи мне на людей, чтобы могла их съесть». «Ладно», — ответил сказитель. И вот он после этого стал рассказывать былинку, направляя ее содержание в подземный мир и, указывая рукой, отправил оспу в ту сторону. Как стал говорить сказитель, появилась большая дорога со многими жителями. Вот по ней отправилась оспа. Через долгое время вернулась она обратно. Как увидел сказитель, оспа совершенно исхудала. Как же будет иначе, все люди были тенями. С тех пор оспа дала слово, что никогда не станет показываться людям. Так в старину знаменитый сказочник спас своих людей от болезни» (Филипп Большаков, станок Долганы на р. Пясине)¹².

2. «В старину к одному человеку, когда он сидел совсем один, две женщины пришли — оспы. Увидев их, человек лег животом на землю и, говоря: «Вот послушайте, как я пою», — стал петь. И вот, когда он пел, раскрылась дорога. Вот, кончив петь, человек сказал: «Вот по этой дороге отправляйтесь». Женщины ушли. Через несколько дней обратно пришли: «Ну в какие же места нас послал? Мы, видя только одни тени, чуть с голоду не умерли», — сказали. Вот тот человек имел, оказывается, три собаки; заклиная, он отдал их женщинам. «Вот мой дар, отдаваемый вам. Получив его, уходите», говоря. Таким образом, в старину простой человек, не шаман, людей своих избавлял, говорят, от болезней, осп-матушек» (Павел Яроцкий, станок Крыс на р. Пясине).

В некоторых случаях долганские шаманы, основываясь на вере в возможность перехода образов-понятий в зрительные, обманывали духов.

Если при камлании дух болезни соглашался покинуть больного, получив оленя, и если шаман видел при этом, что это не сильный дух и его легко обмануть, он, не желая дать ему настоящего оленя, говорил: «Я тебе даю просимого тобой оленя», а в действительности ничего не давал. Сказанное слово, претворяясь в зрительный образ, вводило духа в за-

¹² См. А. А. Попов, Долганский фольклор, Л., 1936, стр. 15—16.

блуждение. Об этом обмане дух узнавал, только попав к себе в подземный мир, но ничего уже не мог поделать, так как шаман принимал меры против его возвращения, затыкая отверстие, через которое тот выходил на землю.

С другой стороны, эта уверенность в существовании связи между образом-понятием и словом породила веру в действенность слова и выразилась особенно ярко в толковании снов. Образы сновидений ничем не отличаются от образов-понятий, и это порождало веру в их реальность. Отсюда вера в возможность изменять значение сна в желательном направлении путем толкования его, т. е. с помощью магии слова.

Ниже приводятся рассказы долганов по этому поводу.

1. «Сон всегда исполняется смотря по тому, как его истолкуют. В старину жил, говорят, один очень богатый человек с сыном и дочерью. Случается, что около чума растет большое дерево. Это дерево называется «столб» (һэргэ), его не срубают и даже «не ранят» у него кору, думая, что заболеют. Вот однажды этот богатый человек увидел сон. Два этих солидных столб-дерева, растущих около чума, с грохотом повалились. Утром, проснувшись, он рассказал домашним этот свой сон. При этом, оказывается, был один гость. Тот как можно скорее, прежде чем кто-либо успел сказать что-нибудь по этому поводу, стал истолковывать сон: «Друг мой, ты очень хороший сон видел. Сын твой в этом году на очень хорошей девушке женится, а дочь твоя в этом году за очень хорошего человека замуж выйдет». Так и получилось (Анна Бархатова, станок Крыс на р. Пясине). Далее рассказчица пояснила, что падение столб-дерева во сне, вообще говоря, предвещает смерть кого-либо из обитателей чума. Удачное толкование сна в этом случае, т. е. магическое воздействие слова, предотвратило несчастье.

2. «В старину один человек увидел сон, что выпил всю воду большого озера, при этом живот его раздулся и лопнул. Услыхав про этот сон, один из присутствующих сказал: «Ты умрешь, заболев водянкой (пээнгээ буолан)». На это сновидец сказал: «Нет, я твоим словам не верю. Я попрошу толкователя снов разгадать свой сон». Был, говорят, один такой старый человек. Вот сновидец отправился к нему. Старик, выслушав сон, сказал: «Ты, оказывается, уже нашел истолкователя своего сна, зачем же обращаешься ко мне? Если бы ты пришел ко мне до этого, я сказал бы тебе другое, теперь случится так, как тебе сказали». И, действительно, тот человек умер от водянки. Сны так и сбываются, как их истолкуют» (Анна Бархатова).

В дальнейшем связь слова с образом-понятием забывается, и магическому воздействию слова приписывается самостоятельное значение. Так, когда близкие друзья расставались надолго, один из них обращался к другому: «Вырази благопожелание» (алгаан каал!). И другой при прощании желал другу всякого счастья и благополучия, веря, что слова его действительно исполнятся. Когда я уезжал из экспедиции, друзья мои — долганы также просили меня пожелать им счастливой жизни. Навещающие больного тоже высказывают ему различные благопожелания.

Позже магическая сила слова объяснялась воздействием его семантики на объекты по закону ассоциации. В качестве примера укажем на апотропеические имена, якобы предохраняющие от духов болезней и делающие их носителей крепкими, здоровыми и счастливыми. Почти каждый долган (особенно из норильских), кроме христианского, носил второе имя, имевшее охранительное значение. Так, имя Далсибул, происходящее от «дапси» — костяной пластинки для защиты запястья руки от удара тетивы при стрельбе из лука, должно было, подобно этой пластинке, предохранять человека от болезней. Имя Тууруубул от «тууруу» — шаманского столба, изображающего мировое дерево, должно было сделать человека таким же крепким, здоровым, как это дерево.

Итак, долганы верили, что искусственно вызываемые в сознании обра-

зы, не являющиеся двойниками реально существующих объектов, могут воздействовать на внешние предметы. Это поверье указывает уже на новый этап мышления, предполагающий дальнейшее развитие способности абстрагировать.

Установив существование этих свободных, невидимых¹³, но реально «существующих» образов-понятий, долганы должны были прийти к мысли о возможности закреплять их с практическими целями в скульптурных и графических изображениях. И, действительно, долганские шаманы очень часто обманывали духов болезней, давая им вместо настоящего оленя его скульптурное изображение из гнилого дерева¹⁴. При этом воплощали в него, при помощи слова, свободный образ-понятие, говоря:

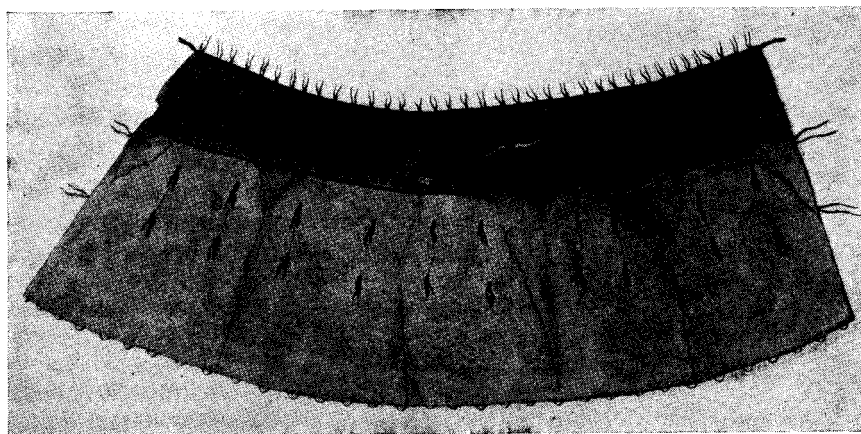


Рис. 1. Узорный нюк долганки Евдокии Сусловой, Норильск (С рисунка автора, сделанного на месте)

«Вот я даю тебе оленя». Так как образ-понятие считался тенью — жизненной субстанцией, деревянный олень оживал, и дух, удовлетворенный подарком, покидал больного, уходил в нижний мир и только там обнаруживал обман. Это происходило тогда, когда изображение оленя, покинутое образом-понятием, снова превращалось в мертвое дерево. В данном случае образ-понятие воплощался только на время.

Отсюда недалеко до мысли о более прочном прикреплении свободного образа-понятия к материальному предмету. Долганский шаман после камлания над больным ребенком в некоторых случаях просил его родителей сделать ровдужный нюк¹⁵ с изображением солнца, луны, чумов и оленей в виде ограды, охраняющей душу ребенка от злых духов, и тем самым закреплял навсегда в нюках образы-понятия. Поэтому рисунки на нюке являются не простыми изображениями, а оживотворенными (рис. 1).

Вероятно, было замечено, что недоброжелательные мысли не всегда приносят вред, поэтому стали сопровождать их активными действиями. Так, если отец не унимал сына, совершающего те или иные проступки против соседей, кто-нибудь из них делал из снега изображение мальчика и, протыкая его ножом, говорил: «Я тебя убил». Мальчик должен был

¹³ Из этнографии некоторых сибирских народов мы знаем, что эти образы не считаются полностью невидимыми, а только слабо видимыми, различимыми лишь людьми с особо острым зрением. — *Прим. ред.*

¹⁴ Во избежание упреков, что для характеристики ранних представлений я прибегаю к примерам, взятым из области шаманства, оговариваюсь, что пользуюсь только теми фактами, которые сохраняются в нем в качестве пережитков ранних периодов и которые поэтому не могут быть объяснимы исходя из анимистических представлений.

¹⁵ Покрывка чума, сшитая из оленьих шкур, в данном случае — летняя, сшитая из ровдуги (замши).

умереть. В этом случае обиженный переносил образ-понятие мальчика — его двойника — на изображение из снега и имитировал на нем убийство¹⁶.

Если кто-нибудь говорил неудачливому охотнику: «Ты разве сможешь добывать оленей, никогда не добудешь», тот мстил ему следующим образом: делал из прутьев три маленьких колечка, вздевал на палочку и, держа их над огнем, говорил: «Твои слова потерялись, твои слова не имеют силы!» (Эн тылынг сюттэ, эн тылынг кююһэ суок!). Затем бросал колечки на пол и, ударяя по ним, говорил: «Ты станешь ли ныне так говорить?». У человека, оскорбившего неудачливого охотника, рот должен был покрыться язвами. Кольца изображали рот оскорбителя, а магический обряд преследовал две цели — месть и уничтожение нежелательного последствия сказанных слов.

Представление о свободных образах-понятиях приводит еще задолго до возникновения представлений о душе к мысли, что после смерти тела образ-понятие, двойник его не умирает. Долганы, принеся в чум тушку убитого песца, клали ее в глубине чума головой в обратную сторону от входа. В противном случае мысли (двойник, тень) убитого песца уходили через дверь и предупреждали живых песцов, чтобы они не попадались в пасти или в капканы.

Представления о счастье-удаче и нечистоте-неудаче

Вероятно, на последнем этапе развития аниматизма появляются своеобразные представления о таких отвлеченных понятиях, как счастье-удача, несчастье-неудача.

«Джол» — счастье, удача и «буртак» — нечистота, неудача¹⁷ не были у долганов отвлеченными понятиями, а воспринимались как невидимые, но реально существующие объекты, наличие которых оказывало положительное или отрицательное воздействие на исход промыслов, на размножение оленей и т. д., т. е. влияло на те стороны жизни, от которых зависело благополучие человека.

Счастье и нечистота — это не активные начала, которые в виде духов и божеств появляются позже. Счастье и нечистота оказывают свое действие пассивно: охотник убивает зверя потому, что с ним находится счастье; когда последнее уходит от него, он перестает добывать зверя.

Счастье, хотя и невидимо, но, будучи реальным, — объемно; оно занимает место, подобно всякому материальному предмету, существующему в природе. Если рыба переставала ловиться, долганы бросали в воду три маленьких лепешки из муки, причем посредине каждой лепешки выдавливали пальцем или нательным крестом углубление, чтобы туда вошло счастье-удача. Жены охотников после их ухода на промысел клали котлы на бок так, что отверстия их были обращены в сторону, куда отправились мужья. Это делалось для того, чтобы в котлы вошло счастье-удача.

В старину, по сообщениям долганов, совершался следующий обряд, основанный на поверье, что счастье одного человека может «столкнуть» счастье другого. «Когда случалось так, что два брата не виделись в продолжение нескольких лет и затем старший брат приходил к младшему, счастье старшего могло столкнуть (ютэр) счастье младшего и этим причинить ему смерть. Чтобы этого не случилось, при приходе старшего брата младший убивал оленя и желудок его вместе с содержимым клал на порог у входа в свой чум. После этого оба брата становились перед входом спиной друг к другу и когда начинали переступать через порог, что-

¹⁶ Нам кажется, что на основании прикрепления образов-понятий к изображениям могут получить удовлетворительное объяснение палеолитические изображения раненых животных в пещерах Западной Европы.

¹⁷ В языке долганов отсутствуют специальные термины для обозначения удачи и неудачи, они заменяются словами «джол» — счастье и «буртак» — нечистота.

бы войти в чум одновременно, кто-нибудь из стариков очень быстро разрубал желудок топором надвое, чтобы разделить счастье братьев» (Павел Яроцкий, станок Крыс на р. Пясине).

По другим воззрениям долганов, счастье находилось в определенных частях тела животных или в животном в целом. Так, счастье-удача дикого оленя находилось в его голове, и охотник никому не отдавал ее, чтобы не лишиться счастья-удачи. В прежнее время долганы, продавая шкурки песцов, отрезали у них носы и хранили их у себя, нанизав на ниточку, так как в них находилось счастье-удача (рис. 2). Этот обычай вывелся, потому что скупщики пушнины отказывались брать шкурки с отрезанными носами.

Отдавая домашнего оленя на сторону, хозяин выдергивал у него несколько подшейных волосков и оставлял их у себя, так как в них якобы заключалось счастье-плодородие оленя. Позже, вероятно, пришли к мысли находить в стаде счастливого оленя. Стадо, в котором он находился, быстро размножалось. Олень, обладающий счастьем, по своему виду обычно ничем не выделялся от остальных, поэтому его могли узнать только шаманы.

Когда отделялось новое самостоятельное хозяйство, теленка (бычка или важенку), родившегося весной первым, очень берегли, никому не отдавали, считая его оленем, приносящим счастье-плодородие. Если этот олень пропадал, его заменяли теленком, родившимся первым следующей весной. Охотник, в ловушку которого — «пастей» не попадались песцы, распределял пасти между своими детьми, независимо от того, взрослые они или малолетние, говоря: «Пусть столько-то пастей будут твоими». Он думал при этом, что среди его детей может оказаться хотя бы один, обладающий счастьем-удачей, в ловушку которого, возможно, станут попадать песцы. Однако такой раздел пастей был фиктивным, так как шкурами добытых животных продолжал распоряжаться отец.

У заречных долганов, обитавших по левой стороне р. Енисея, счастье матери считалось связанным со счастьем ребенка. Пока ребенок не научится ходить, мать старалась не отделять его от себя и никуда без него не выезжала. Когда случалось, что ребенок находился на половине живших в одном чуме соседей и туда приезжал гость, мать сейчас же брала ребенка на руки, дабы приезжий, пройдя между нею и ребенком, не отделил от нее счастье последнего.

Долганы считали, что счастье находится также в частях промысловых снарядов. Снаряды эти «добывали» (т. е. в них попадала добыча) именно потому, что в некоторых частях их находилось счастье-удача. Если давали на сторону рыболовную сеть, отдавший, чтобы не ушло счастье, оставлял у себя нижнюю тетиву сети. Человек, взявший на время капкан, возвращал его владельцу не пустым, а с двумя зацепленными песцовыми лапками (камусами), причем собственник капкана должен был сам вынуть эти лапки. Это делали для того, чтобы счастье вернулось вместе с капканом к хозяину.

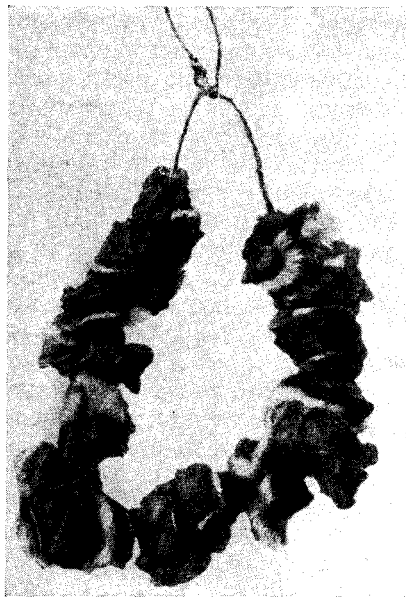


Рис. 2. Песцовые носы, нанизанные на нитку

По поверью, зная, где помещается счастье-удача, можно было его украсть. Неудачливый промышленник, взяв насторожку и симку¹⁸ своей пасти, в которую не попадали песцы, подкрадываясь, осторожно, как настоящий вор, подходил к самой крайней в ряду пасти удачливого охотника и заменял ее насторожку и симку своими; считалось, что счастье-удача переходило вместе с украденными насторожкой и симкой к неудачливому охотнику, а удачливый переставал добывать песцов.

Любопытно, что счастье-удача могло якобы «обижаться». Если нашедший утерянную кем-либо вещь возвращал ее владельцу, тот должен был для видимости одарить нашедшего другой вещью, хотя бы самой ничтожной ценности. Например, за найденного оленя или капкан можно было дать бусинку, медную пуговицу или что-либо в этом роде. Если этого не делалось, нашедшего покидало счастье-удача (под которым разумелась способность его находить потерянное). Таким образом, в данном случае не труд человека получал признание, а вознаграждалось его счастье-удача, которое, если этого не сделать, могло обидеться и уйти.

По воззрениям долганов, счастье-удача во всем выпадало человеку перед большим несчастьем, а ограниченным счастьем обладал почти каждый. Один, например, добывал много диких оленей, другой — песцов, у третьего не пропадали олени и быстро размножалось стадо, у четвертого много родилось детей и т. д. Счастье-удача покидало человека либо без всякой причины, либо при появлении буртак-нечистоты. Про неудачника долганы говорили: «Счастье его покинуло» или «Счастье от него ушло».

Нечистота была полной противоположностью счастья-удачи. Последнее уходило отсюда, где появлялась нечистота. Нечистота обладала свойством заразительности. Прикосновение нечистоты делало каждый предмет нечистым. Основным источником нечистоты считалась женщина, особенно в период беременности и менструаций. Девочки и старухи, у которых отсутствовали менструации, не считались нечистыми. Мясо верховых оленей, принадлежавших девочкам и старухам, можно было употреблять в пищу, тогда как мясо верхового оленя, принадлежавшего молодой или среднего возраста женщине, выбрасывалось как нечистое.

Менструальная кровь считалась до такой степени нечистой, что ее «боялись» даже водоросли. Если в озере бывало много водорослей, мешающих закидывать сети, вытаскивали несколько водорослей, клали под менструирующую женщину и на другой день бросали обратно в озеро. Все водоросли при этом от «омерзения» (һииргэнэн) опускались на дно, и становилось возможным закидывать сети. Такой же нечистой считалась и placenta. Ни один мужчина не прикасался к ней, чтобы не лишиться своего промыслового счастья. Для родов отводился особый чум, куда никто не мог входить, за исключением бабки. Общение с роженицей разрешалось только после особых очистительных обрядов.

Женщинам, как нечистым, запрещалось переходить дорогу, по которой провозили хайтаанов — семейные святыни и шаманские атрибуты. Если женщины наступали на огонь или кузнечные принадлежности, тело их в наказание покрывалось язвами. Осквернялся вообще всякий предмет, на который садилась женщина. Она не могла, например, садиться на мужскую нарту. Если на пути женщины лежал аркан для ловли оленей (маамут), она, чтобы пройти дальше, поднимала его и перекидывала через голову. Нечистота женщины могла передаваться также и через ее одежду. Если одежду клали на песцовую пасть, счастье-удача уходило и звери в пасть не попадали.

Нечистыми считались также мертвецы. Люди, имевшие с ними дело, подвергались определенным запретам, и над ними совершали очистительные обряды.

¹⁸ Спускоская нить.

По воззрениям долганов, нечистота-неудача, будучи тоже объемна, обладала свойством не проходить через отверстие или расщеп дерева. Ружье, потерявшее вследствие «нечистоты» счастье-удачу и переставшее попадать в цель, очищали, проталкивая его через дужку котла, — нечистота оставалась позади дужки. Если был камень со сквозным отверстием, который всегда почитался как *хайтаан* — покровитель семьи, дуло оскверненного ружья также проталкивали через это отверстие.

Нами был доставлен в Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде специальный снаряд для «очищения» ружья и рыболовных снастей. Это — вырезанное из доски и обтянутое кожей, окрашенной отваром ольховой коры, изображение дикого оленя с отверстием посередине. К нему подвешено деревянное изображение рыбки (рис. 3).



Рис. 3. «ныгыпкан» — изображение дикого оленя, вырезанное из дерева и зашитое в шкуру дикого оленя. Посередине имеется отверстие, через которое пропускается ствол оскверненного ружья. Получено от Анастаса Аксенова, станок Летовье (колл. МАЭ № 5658-39)

Дуло оскверненного ружья или сеть пропускали через отверстие снаряда; считалось, что нечистота ружья переходила при этом в изображение оленя, а нечистота сети — в изображение рыбки.

При шаманском камлании после удаления из больного злого духа совершали обряд очищения оставшейся от злого духа нечистоты. Больной и семья его пролезали сквозь деревянную раму квадратной формы или через расщепленное дерево, нечистота злого духа «оставалась» при этом за рамой или за деревом, и больной и его семья выходили очищенными. Во время эпидемии оспы очищались, пролезая через яму, выкопанную под изогнутым корнем дерева.

По поверьям долганов, для возвращения счастья-удачи необходимо было удалить нечистоту. Это делали различным путем. Чтобы удалить нечистоту-неудачу из песцовой пасти, стреляли из ружья или лука через отверстие, образованное изгородью из палок, воткнутых вертикально по

обеим сторонам слезы. Ружье, переставшее попадать, клали на пол у порога чума и ждали прихода вдовы или вторично вышедшей замуж женщины. Как только та, входя, поднимала ногу, чтобы переступить через порог, быстро отдергивали ружье, с криком: «Вот женщина шагает через ружье». Если женщина пугалась крика, то уходила, испугавшись, и нечистота-неудача ружья. Чаще всего оскверненные предметы обмазывали кровью оленя или окуривали можжевельником, шмелиным гнездом, рыбьим жиром, янтарем, смолой с подсолнечной стороны дерева или ладаном, который для этого доставали у миссионеров. Чтобы предохранить пасти от нечистоты-неудачи, делали настожки из дерева, разбитого молнией.

По поверьям, нечистота-неудача имела еще одно свойство: ее уносило вместе с течением воды. Поэтому у долганов было гораздо больше запретов относительно озерной рыбы, чем речной; так как озеро не имело течения, нечистота-неудача держалась в его воде годами, а в реке пребывала недолго, так как ее уносило течением.

Нетрудно видеть, что рассмотренные представления приводили к развитию контагиозной магии. Впоследствии, с возникновением анимистических воззрений, удачу и неудачу стали объяснять действиями сознательных существ — духов и божеств.

Приметы и запреты

С развитием способности абстрагировать первобытный человек все больше начинает интересоваться вопросами причинности явлений и в конечном итоге приходит к правильному выводу, что беспричинных явлений нет. Но при этом, вследствие низкого уровня своих положительных знаний, он во многих случаях объясняет эту причинность ошибочно, ложной зависимостью одних явлений от других, хотя между ними на самом деле отсутствует всякая реальная связь.

В одних случаях это ложное представление основывается на принципе — подобное вызывает подобное (симпатическая магия). Вероятно, в основе его лежали некоторые правильные наблюдения, например такие, что некоторые действия производят «движение воздуха» — «маленький ветер» (куччучуй тыал), отсюда ложный вывод, что, производя маленький ветер, можно вызвать настоящий ветер. Долганы во время летней жары, чтобы не давать оленям разбегаться, с целью отогнать комаров «вызывали ветер», поддувая кузнечными мехами в ту сторону, откуда он был желателен.

В иных случаях представление о причинной связи между явлениями основано на других принципах, как это можно видеть из многих запретов долганов, приводимых ниже. Однако прежде чем излагать их и поделиться своими соображениями об их происхождении, необходимо остановиться на некоторых особенностях психологии первобытного человека исходя из своих наблюдений над долганами и нганасанами, которые сохранили много пережитков, отражавших мышление древнейшего периода.

Долган или нганасан отнюдь не склонен обвинять себя в крупных неудачах, происшедших по собственной вине, и всячески старается найти иное, объективное оправдание. Если, например, он не убил зверя из ружья потому, что дрогнула рука или пуля по другой причине пролетела мимо, или ружье дало осечку и т. д., он в силу ограниченности своего мышления идет по ложному пути поисков причинности. Он умозрительно начинает доискиваться — не нарушил ли какого-либо запрета, не осквернил ли ружья, не обидел ли духа охоты и т. д. Не всегда охотнику легко бывает установить эту причину, но он ее все равно «находит»; при этом его несколько не смущает то обстоятельство, что причина, навлекшая неудачу, могла произойти месяц, два, шесть месяцев и больше назад.

В главе об аниматизме мы уже приводили в качестве примера объяснение долганкой Поротовой охотничьей неудачи сына. Вечером, пожалев этого усталого и огорченного охотника, я взялся отливать ему пули. На другой день сын Поротовой добыл этими пулями дикого оленя. Удача была приписана не ему, а мне. Я оказался человеком, обладающим счастьем-удачей, которое передалось охотнику вместе с пулями.

Приведем еще один пример из жизни нганасанов, ярко иллюстрирующий представление о ложной причинной зависимости. Я имел несчастье похвалить одного удачливого охотника, и он после этого перестал добывать оленей. Вина за это пала на меня: «Если бы ты не похвалил его, он не перестал бы добывать оленей». Тогда я, желая исправить свою ошибку, пожелал успеха охотнику. Он и после этого не добыл оленя. И в этом случае я оказался виновным: «Если бы ты ему не пожелал успеха, может быть он сегодня и добыл бы оленя. Ты уж, пожалуйста, не хвали его и не желай ему успеха».

Переходим к представлениям долганов о запретах и приметах.

Всякие недозволенные действия, влекущие за собой неприятные последствия, носили у долганов название «аньии», что переводилось ими по-русски как «грех».

С аньии было связано понятие о последствии, вызываемом совершением аньии — «һэт» (возмездие). Когда долганы говорили: «С возмездием будет» (һэттээк буолуо), они представляли возмездие как некую неизбежную кару за недозволенное действие, но не считали его исходящим от сознательных существ — духов и божеств. Думали, что это находится в обязательной причинной связи с аньии: совершение последнего неизбежно должно повлечь за собой возмездие. Представление о связи между аньии и һэт, можно думать, возникло на основании ошибочного констатирования связи между различными явлениями в силу случайного совпадения. Достаточно было несколько раз заметить, что после какого-либо поступка происходило несчастье, как это начинало истолковываться как справедливое возмездие.

Возмездие, по воззрениям долганов, часто может быть вызвано каким-либо необычным, своеобразным, выходящим из ряда обычных действием. В старину существовал такой лов рыбы в озерах. Поймав нескольких рыб, привязывали к их хвостам длинные полоски бересты и отпускали обратно в воду. Рыбы эти своим видом распугивали других рыб и те, мечась по всему озеру, легко попадали в сети. Но способ этот вызывал возмездие, и поэтому был оставлен.

Когда кто-нибудь совершал тот или другой недозволенный поступок, присутствующие останавливали его, говоря: «Аньии, нельзя этого делать», и объясняли, что должно было вслед за этим случиться. Например, если молодой человек ел, не сняв шапку, говорили: «Аньии, сними шапку, жена будет упрямая»; или «Аньии, не нанизывай на рожон мясо (или рыбу) так, чтобы острый конец рожна высунулся, — проткнется насквозь твоя душа (кут)» или «Аньии, стоя не снимай обуви, жена умрет».

Однако во многих случаях последствия аньии оставались неизвестными; считали лишь, что наступит какое-то возмездие, но в чем именно оно выразится, не знали. В этих случаях недозволенное действие останавливали без указания на то, в чем будет заключаться это возмездие. Говорили, например: «Аньии, не ходи вокруг очага»; «Аньии, упавши на спину, не опирайся руками», «Аньии, не свисти в чуме».

Интересно отметить, что, кроме всеми признаваемых аньии, у долганов были аньии, признаваемые только отдельными лицами, главным образом стариками, имеющими определенный жизненный опыт. Они же считались авторитетами в решении вопроса, являются ли какие-либо действия аньии. Так, например, старые люди, увидев несообразные, по их мнению, действия, останавливали словами: «Аньии, нельзя этого делать».

Заключение

На основании изложенных представлений долганов я попытался дать картину развития нерелигиозных представлений первобытного человека — ассимилятизма и аниматизма. Что эти представления всеобщие и характерны не только для долганов, подтверждается примерами из этнографии долганов, касающимися ассимилятизма и аниматизма, которые имеют множество аналогий и известны каждому этнографу по сводным работам или по собственным наблюдениям.

Труднее обстоит дело с образами-понятиями. Скудность сравнительного материала, как нам кажется, объясняется не отсутствием их у других народов, а тем, что исследователи не останавливали на них своего внимания. Склонен думать, что если мы не можем установить всеобщего распространения образов-понятий, то лишь потому, что у многих народов они стерлись или исчезли совершенно.

Чтобы не быть голословным в своем предположении, приведу несколько случайных примеров, взятых из литературы и относящихся к различным народам земли, по своей культуре не связанным между собой. Эти примеры явно относятся к образам-понятиям и к вытекающим из них представлениям о материализации сказанного слова.

Сказка гуцулов: «Одна украинская упырица пустила на ночлег странника, но предупредила его, что он отнюдь не должен рассказывать сказок. Странник почувал в этом странном запрете что-то недоброе, и кушая капусту с репой, повел рассказ о капусте: «Яке капуста? От яке того капуста... Коло капусты е робота...», и завел повесть об этих огородных работах, прерывая свой рассказ восклицаниями-вопросами: «Яке, каже, капуста?» Ночью упырица, по своему обыкновению, хотела выпить у своего ночлежника кровь, но не смогла этого сделать: около спящего странника она увидела ограду (остріг), которая не позволяла подступиться к спящему. Это рассказанная странником «байка» о капусте и встала около него оградой»¹⁹.

Якуты верили, что сказанное слово превращается в вещую птицу. Саам однажды издалека приехал к священнику просить, чтобы тот помолился за благополучные роды его жены; в то время как священник произносил молитвы, он поднес шапку близко к его рту и по окончании молитвы быстро ее закрыл, чтобы молитвы не вылетели. В чукотской сказке шаман собрал в рукавицу все слова людей, которые пытались его испортить колдовством, завязал их, а утром роздал их тем самым, которые эти слова произносили²⁰.

Можно встретить и не точно зафиксированные примеры, которые также можно предполагать относящимися к представлениям об образах-понятиях. Таковы, например, неоднократные упоминания В. Г. Богораза о том, что чукчи рассказывали сказки, чтобы прекратить пургу. Так как автор точно не указывает, какого именно содержания были эти сказки, мы можем только догадываться, что, вероятно, и в данном случае имеем дело с образами-понятиями.

Как мы видели, изучение представлений об образах-понятиях приводит к важному выводу о возникновении дуалистических воззрений задолго до анимизма, когда никаких представлений о духах и душах не было.

Описанные нами дорелигиозные представления в пережиточной форме продолжают существовать и с возникновением религии. Но это обстоятельство отнюдь не дает основания относить их к религиозным, ибо корни их происхождения совершенно различны.

¹⁹ Д. К. Зеленин, Религиозно-магическая функция фольклорных сказок, Сборник статей «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932», М., 1934, стр. 227.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 312—313.

В заключение уместно поставить вопрос: является ли аниматизм идеологической системой?

Мы не можем согласиться с мнением, что идеологическими системами можно считать только религиозные представления. Под системой следует понимать совокупность взглядов и положений, подчиненных каким-либо общим идеям и разрабатывающих, развивающих эти идеи. Всякая система характеризуется логическим построением и развитием. Очевидно, характерной особенностью отсутствия системы является совокупность взглядов и положений самого различного содержания, логически не связанных между собой, не объединенных общей идеей. Отрицая наличие системы в первобытном обществе, мы пришли бы к отрицанию способности к логическому мышлению первобытного человека.

В доклассовом обществе имели первенствующее значение две идеологические системы, ранняя — аниматическая и поздняя — анимистическая. Взгляды и положения их подчиняются двум основным идеям: при аниматизме — все в природе живое, при анимизме — все в природе одухотворено. Обе эти системы отличаются стройностью и логичностью построения.